

Девушка в розовом платье отвернулась, но тут же оказалась заключена в теплые объятия. Открыв глаза, она увидела до боли знакомое лицо, заставившее её едва сдерживать рыдания.

Однако гигантский валун не рухнул на них, как ожидалось. Девушка в розовом с удивлением заметила, что дорогу преградила фигура в алых одеждах. Двумя руками она изо всех сил вцепилась в длинное алое копье с кистями, уперев его в землю так, что наконечник почти полностью ушёл в камень. Тяжело волоча его за собой, она прочертила длинную борозду по гладкому нефриту, а её собственная спина приняла на себя удар летящей глыбы. Кто это был, если не Чжань Цзиньань?

Чжань Цзиньань закусила губу, пот промочил чёлку на лбу, и она с трудом выдавила из себя:

— Уходите... Я, кажется...

Она едва держалась. Обе девушки в один голос закричали и поспешно поднялись на ноги, но та, что в розовом, никак не могла встать. Её ногу зажало между несколькими обломками камней; сами по себе они были невелики и не могли нанести серьёзной раны, но освободить ногу не получалось. Они попытались вдвоём, но все попытки окончились неудачей. Хотелось позвать кого-нибудь на помощь, но вокруг царил такой хаос, что каждый едва спасал собственную шкуру и ни у кого не было свободных рук. Что тут поделаешь в один миг?

Девушка в жёлтом платье хотела попробовать снова, но та, в розовом, резко схватила её за руку и, глядя прямо в глаза, покачала головой. Девушка в жёлтом явно поняла её без слов: подруга осознавала, что станет лишь обузой, и умоляла её бежать вместе с Чжань Цзиньань, а не погибать здесь вдвоём. Сжав в ответ руку подруги, она повернулась к Чжань Цзиньань, и её взгляд — нежный, но решительный — встретился с её глазами.

— Родители учили нас, что жизнь и смерть предопределены свыше и нельзя тянуть за собой других. Мы с сестрой благодарим вас за благородство, госпожа. Чтобы нам... не было стыдно смотреть в глаза родителям, умоляем, уходите немедленно!

Хоть Чжань Цзиньань приходилось невероятно тяжело и она не смела отвлекаться, эти слова прозвучали предельно чётко. Каждое слово отдавалось ударом в её сердце, в груди поднялась волна жара, и она чуть не расплакалась, а в памяти вспыхнули картины, промелькнувшие всего мгновение назад.

Когда нефритовые изваяния одно за другим начали падать, та самая девушка-пьянчужка взмахнула длинным хлыстом, отбросив летевшие рядом обломки, и применила цигун, устремившись к месту, куда рухнули Пять Героев Зеленого Леса.

— Я здесь разберусь! Ступай в другое место!

Пока Чжань Цзиньань преследовала этот валун, у неё не было времени даже оглянуться, и она понятия не имела, что сейчас происходит с той пьяной девушкой. А та, бросившись к Пяти Героям Зеленого Леса перед самой погоней за валуном, тоже ни разу не обернулась — по

крайней мере, Чжань Цзинъань этого не видела.

Тяжесть валуна нарастала, Чжань Цзинъань изнемогала от напряжения. Даже на слух она понимала, что вокруг с грохотом сталкиваются нефритовые глыбы, порождая всё новые угрозы. Слегка приподняв брови, она произнесла:

— Я никуда не уйду. Вместо того чтобы тратить время на глупые слова благодарности, вы... лучше продолжайте попытки! Неужели... вам совсем не жаль этот мир?

Девушка в розовом и её спутница в жёлтом замерли.

Руки Чжань Цзинъань, сжимавшие копьё, не ослабляли хватку ни на мгновение. При ярком свете сквозь её бледную кожу проступали светлые вены. Валун давил ей в спину с силой тысяч обрушившихся гор, заставляя закусить губу до крови.

— Говорите «жизнь и смерть предопределены»... Бросаться такими словами для самоуспокоения сейчас и впрямь слишком рано, — процедила она. — Раз мы все еще живы, почему нужно сдаваться заранее? Неужели вы готовы добровольно отдать свою жизнь в чужие руки, вместо того чтобы бороться за неё ради самого важного?

Тот, кто побывал на волосок от смерти, больше всего начинает ценить её, а не трепетать перед ней.

Именно поэтому Чжань Цзинъань упрямо не желала отступать. В мире было слишком много людей, которые не столкнулись со смертью лицом к лицу или не успели получить шанс понять, как бесценно само «умение ценить».

Девушка в розовом вытатила клинок и, молча, принялась яростно рубить зажавшие её камни.

Девушка в жёлтом приложила руку к плечу подруги, непрерывно передавая ей внутреннюю силу.

А та наносила удар за ударом, в её глазах сиял мягкий, непоколебимый свет, пронзительный и нежный.

— Продержимся ещё немного... Она придёт.

Эти слова прозвучали так тихо, что их едва можно было расслышать, но в них неожиданно сквозила такая непоколебимая уверенность, что на слове «она» послышалось даже некоторое облегчение.

Чжань Цзинъань, разумеется, удивилась и уже хотела спросить, о ком речь, как вдруг прямо на них полетел изысканный, тонкой работы макет поместья. Из-за расколовшегося нефрита движение одного камня повлекло за собой всё остальное: Коридоры Яньси были связаны с различными выставочными павильонами, и под воздействием механизма макеты зданий тоже сорвались с мест, а некоторые и вовсе взмыли в воздух.

Летящий на них макет был размером с половину человеческого роста, и на глаз было ясно, что весит он немало. Хотя точный материал определить не удавалось, тончайшая работа выдавала руку мастера. В обычное время такому редкому сокровищу можно было бы только порадоваться, но сейчас ей хотелось лишь увернуться, хотя спасения от него не было.

Она от рождения страдала слабым сердцем. Многочисленные прославленные лекари с годами недуга предрекали, что ей не дожить и до шестнадцати... Она уже не раз сталкивалась лицом к лицу с посланцами царства мертвых, давно смирилась с мыслью о смерти и не боялась её, и её гибель не была бы бессмысленной. Однако где-то в глубине души всё равно бушевало жгучее несогласие: она ещё не побывала на поле боя, а главное — её самое первое задание осталось невыполненным...

При этой мысли Чжань Цзинъань слегка вскинула голову, закусив губу с упрямым выражением на лице. Макет поместья в её глазах становился всё больше, приближаясь с каждым мгновением — до удара оставалось сделать всего несколько вдохов.

Впрочем, трещина в нефритовых плитах изначально затронула лишь малую часть пространства, но хитроумные механизмы Коридоров Яньси в мгновение ока изменили направление движения тысяч деталей, породив цепную реакцию. Нефритовые обломки летели во все стороны: Доки Персиковых Цветков, Беседка Слушающего Вино, Уголок Знающих Звезды и даже Понтон Возвращения — ничто не избежало разрушения.

Опасность была рядом, обломки застыли в воздухе, и ситуация стремительно выходила из-под контроля. Никто не ожидал, что в Долине Хаожань может случиться подобное бедствие, и никто не мог одновременно удержать обстановку под контролем и прийти на помощь. Кругом царил паника, под ногами мешались беспорядочные шаги, а в душах нарастала всепоглощающая, грохочущая, непрекращающаяся буря ужаса, среди которой капля за каплей тонула жажда жизни.

Чжань Цзинъань сама оказалась в смертельной ловушке, у пьяной девушки не было сил на ответный удар, да и знатный господин в роскошном экипаже вряд ли мог быстро выкрутиться.

Кто ещё? Кто ещё мог прийти?

Каждый молил лишь об одном: чтобы прямо сейчас появился герой, спасший бы всех из беды и повернувший вспять бушующую стихию.

Но... вырваться из такой ловушки можно было разве что чудом с небес.

В тот же миг над Долиной Хаожань взметнулась полоса белоснежного шёлка. Она пронеслась над величественными горными хребтами, круша летящие со всех сторон обломки. Никто не мог заметить, откуда и как она появилась — она возникла внезапно, сметая всё на своем пути, прилетев на крыльях ветра. Этот шёлк был тонок, как цикадиновое крыло, но рассекал воздух подобно клинку, протянувшись на десятки чжанов, и казалось, его стремительному полёту не будет конца.

Вслед за летящим на ветру шёлком промелькнул бело-голубой силуэт. Коснувшись носком туфельки белой ленты, фигура излучала суровую холодность, а её движения были легки и изящны, как дуновение ветра. Мелькнув в мгновение ока, она двигалась с мягкой и непринужденной грацией ветра, сочетая в себе его стремительную решительность. Казалось, она ступает по снегу, и вот уже приблизилась вплотную.

А тем временем макет поместья был уже в двух шагах и должен был врезаться прямо в лицо Чжань Цзинъань, как вдруг чей-то ещё не обнажённый меч со свистом рассек воздух. Проскользнув в опасной близости от щеки Чжань Цзинъань, он с размаху врезался прямо в макет и отбросил его назад.

Это был меч в ножнах со снежно-белой основой, оплетённый тёмными узорами. На первый взгляд они казались синими, но на свету в переплетении линий проступал плавный градиент от глубокого оттенка к светлому, до того изящный, что Чжань Цзинъань не могла оторвать глаз.

— Сестрица Чжэн!

Сладкий голос девушки в розовом, полный безграничного восхищения и обожания, прозвучал подобно яркой звезде, прорвавшейся сквозь ночное небо, и Чжань Цзинъань резко пришла в себя.

В тот же миг по гигантскому валуну пробежала сеть трещин, разветвляясь подобно молниям. Всего их насчиталось сорок девять штук. Никто так и не заметил, когда, кто и с помощью какой именно техники нанёс эти удары, но в следующую секунду валун с грохотом разлетелся на куски. Внутренняя структура нефрита была чистой и белой, а линия излома — гладкой, без единого зазубренного края. Добиться подобного результата одним лишь внешним ударом, подобным клинку, означало владеть непостижимым мастерством фехтования и колоссальной внутренней силой.

Мгновение назад давившая на Чжань Цзинъань многотонная тяжесть внезапно исчезла. Потеряв сопротивление, её тело, находившееся на пределе напряжения, не смогло вовремя перестроиться, и она плашмя полетела назад.

Вокруг сыпались обломки белого нефрита, клубились сумеречные облака, толпа металась в панике, а механизмы Коридоров Яньси всё ещё продолжали свою разрушительную пляску. Но Чжань Цзинъань уже ничего не видела и не слышала — в её глазах запечатлелся лишь один силуэт. Девушка в белом платье с синей вышивкой, поверх которого была наброшена длинная полупрозрачная накидка небесно-голубого цвета, проскользнула мимо неё. Одной рукой поймав меч, выбитый из ножен, она взмахнула им в сторону копья Чжань Цзинъань и мягко поддержала девушку, не давая той упасть навзничь.

Изящество движений и тончайший расчет силы были таковыми, что Чжань Цзинъань за всю жизнь не видела ничего подобного, испытал глубочайшее изумление.

Стоило девушке в голубом повести мечом, как Чжань Цзиньань взмыла в воздух вместе со своим копьём. Резко развернувшись в полёте, незнакомка одной рукой обняла Чжань Цзиньань за талию, а другой взмахнула клинком. В одно мгновение камни, зажимавшие лодыжку девушки в розовом, разлетелись вдребезги, а летевший на неё и спутницу в жёлтом макет поместья аккуратно раскололся надвое, упав по обе стороны от них без малейшего отклонения.

Всё произошло слишком быстро. Лишь когда девушка в голубом опустила Чжань Цзиньань на землю, та смогла разглядеть её лицо.

Лицо размером с ладонь, чуть округлые глаза с приподнятыми уголками, глубокий взгляд казался спокойным и безмятежным, но при этом невероятно ярким. В этой холодной чистоте таился неукротимый нрав, придающий её облику неожиданную, суровую и ослепительную красоту.

Поразмыслив секунду, Чжань Цзиньань с трепетом осознала: та девочка в розовом только что кричала Сестрица Чжэн. Обладательница столь безупречного и грозного мастерства боевых искусств... неужели это дочь старшего поколения Чжань Фаньсюаня, младшая сестра главы Долины Хаожань Чжань Сюньюаня и нынешняя глава Союза Цзянху — Чжао Юйчжэн? Не успела она задать вопрос, как до её слуха донёлся радостный топот ног: девочка в розовом бросилась к девушке в голубом и обвила руками её шею, глядя на неё влажными глазами, а её голос звучал нежно и капризно:

— Я же знала, что чтобы ни случилось и как бы ни было опасно, сестрица Чжэн придёт. Обязательно придёт.

Девушка в голубом с лёгкой досадой на лице утешающе похлопала малышку по спине:

— Ступай на открытое место, побудь там.

С этими словами она взмыла в воздух, и откуда-то сверху донёлся её мелодичный голос:

— Не толкайтесь! Всем отступить к ближайшей безопасной площадке!

— Мастер Чжэн! — разом выдохнули Ли Цзы и Сюэ Фу, словно получив помилование.

Хотя голос девушки в голубом звучал тихо, каждое её слово отчётливо долетело до ушей каждого присутствующего.

Стоило ей умолкнуть, как толпа, ещё мгновение назад охваченная паникой и стремящаяся лишь к бегству, словно преобразилась. Люди начали поднимать упавших рядом товарищей, помогать тем, кто с трудом держался на ногах после давки, и сообща двигаться к безопасной площадке.

Эта девушка в голубых одеждах наверняка и была главой Союза Цзянху Чжао Юйчжэн — в

этом можно было не сомневаться.

Бело-голубые цвета нельзя было назвать слишком броскими, но мелькающий в Долине Хаожань бело-голубой силуэт выглядел поистине единственным в своем роде во всём нынешнем цзянху.

Вот испуганные, привычные к строгой выучке лошади шарахнулись в стороны, едва не смяв толпу — девушка в голубом применила легкие шаги, чтобы укротить их. Вот рушится подставка под макет, и та самая пьяная девчонка из последних сил удерживает равновесие длинным хлыстом — лёгкий шлепок девушки в голубом мгновенно возвращает накренившуюся конструкцию в устойчивое положение. А ещё — унёсшийся в винные ключи книжник, ребёнок, застрявший на утёсе, здоровяк, угодивший в ловушку... Все они были спасены от смертельной опасности.

И всё это произошло в считанные мгновения, а та, кто вершила это спасение, казалось, не потратила ни капли усилий.

Легка, как испуганная птица в полете; изящна, как парящий дракон.

Чжань Цзинъань растеряла все слова и не могла подобрать других сравнений. Внезапно она подумала, что подобные описания кажутся преувеличением лишь на первый взгляд, а на деле являются чистой правдой. Особенно если учесть, что всё это совершила Чжао Юйчжэн — признанный гений боевых искусств цзянху, в семнадцать лет сокрушившая всех соперников и завоевавшая титул главы Союза Цзянху.

Когда волнения в Долине Хаожань утихли, все собрались у Понтонного Возвращения. Чжао Юйчжэн поручила Ли Цзы и Сюэ Фу присмотреть за гостями долины, а остальных отправила за лекарскими селениями поблизости. На какое-то время в Долине Хаожань воцарилась необычайная тишина: все словно сговорились, и никто не осмеливался нарушить этот покой.

Чжао Юйчжэн расспросила о причинах случившегося. Хотя у неё оставались сомнения — нынешняя выставка макетов готовилась долго, а вложенные в неё человеческие ресурсы, материалы и средства превосходили все мыслимые пределы, ведь каждая деталь, украшение и те самые редкие модели создавались совместными усилиями ста восемнадцати учеников клана Жаныши, да и как могли механизмы Коридоров Яньси вместе с нефритом Секты Меча Чунъюань оказаться столь хрупкими? — однако пока истина не была установлена, распространяться об этом не стоило, дабы не спугнуть злоумышленника. К счастью, тяжёлых жертв удалось избежать, и всю ответственность Долина Хаожань взяла на себя.

— Господа, эта воительница Цзян Шэнь — подруга молодого господина Цзи Люмина из Обители Развеивания Скорби, а раз у неё с собой приглашение от Обители, значит, всё в порядке.

Как выяснилось, та самая пьяная девушка носила фамилию Цзян и имя Шэнь; она прибыла по просьбе друга на просмотр в Усадьбу Лунный Лавр.

— Хм, Цзян Шэнь? Почему мы никогда о ней не слышали? — раздался чей-то недовольный шёпот, несмотря на то, что объяснения давала сама Чжао Юйчжэн.

Цзян Шэнь уже собиралась ответить, но Чжао Юйчжэн опередила её. Сложив руки в приветствии, она поинтересовалась:

— Позвольте узнать имя и фамилию этого почтенного мужа? Глава Чжао обладает скудными познаниями и никогда прежде не встречал вас, о чём искренне сожалеет.

Все присутствующие дружно втянули воздух — это прозвучало слишком недвусмысленно, и многие отчаянно пытались сдержать смех. Хотя Чжао Юйчжэн вела себя исключительно учтиво и вежливо кланялась, в её взгляде сквозь сдержанность проступала такая дерзкая самоуверенность, что от былой книжной утонченности почти ничего не осталось.

Бывают люди, чья гордыня написана на лице, но есть и такие, у которых тепло живёт в сердце, а надменность заложена в самой сути.

Тот, к кому обратились, потерял дар речи и попытался отшутиться:

— Глава союза день и ночи трудится на благо цзянху, куда уж нам, безродным бродягам, о нас и упоминать не стоит, ха-ха-ха...

— Уважаемому старшему не стоит столь сурово умалать свои достоинства. Цзянху достаточно велика и просторна — если стремление искренне, стоит ли переживать об оставленном следе?

Собеседник лишь хотел сгладить неловкость, и обычный человек на её месте не стал бы продолжать. Но сейчас Чжао Юйчжэн говорила предельно серьёзно, без тени насмешки.

Лишь немногие сочли это искренними словами из глубины души Чжао Юйчжэн, и среди этих немногих едва ли набралось бы три человека — Чжань Цзинъань была одной из них.

Насколько же велик и просторен этот цзянху? Миллионы боевых искусств не способны выявить единого непревзойденного мастера, а мириады первоначальных стремлений не могут заполнить трон верховного владыки. Здешний цзянху способен вместить отвагу и благородство, способные поспорить с небесами, удержать в себе пламя, способное сожрать беспросветную тьму, он манит амбициями всё новые поколения и одновременно отсеивает тех, кого сменяет эпоха. Никто не знает, где сейчас те первые смельчаки, что отдали всю жизнь ветрам и дождям цзянху, и никому не ведомо, кто именно из нынешних странников пишет новую легенду боевых искусств.

Всё это неважно. Цзянху велик настолько, что кровь, казалось бы, остывшая в бурных волнах, однажды вновь закипит.

Просто рано или поздно этот цзянху снова согреется — уже от вашей крови.

Цзян Шэнь хлопнула в ладоши, закрутила пальцем прядку волос и с напускным недовольством протянула:

— Вот ведь удача! Наконец-то правда всплыла наружу, и моё доброе имя очищено.

Она огляделась по сторонам: рядом стояла Чжань Цзинъань, а вот и след простыл от Пяти Героев Зеленого Леса, которых она только что спасла. В недоумении она произнесла:

— Эй, а куда это подевались Пяти Героев Зеленого Леса, которые меня оклеветали?

<http://bllate.org/book/19522/1913973>